

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. И. СМЕРНИЦКИЙ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Слова «анализ, аналитический», а также и противоположные им по значению «синтез, синтетический» широко употребляются в лингвистической литературе. Однако нельзя сказать, чтобы они всегда понимались достаточно четко и определенно.

Вообще говоря, под аналитическим языковым образованием нередко понимается такое, значение которого выражено не одним словом (а под синтетическим, соответственно, — однословное образование). Поэтому, например, англ. *old man* может быть названо аналитическим образованием (а русск. *старик* или лат. *senex* — синтетическим).

Если понимать существо дела так, то следует просто сказать, что аналитические образования являются словосочетаниями (тогда как синтетические — словами). В таком случае вообще всякий язык, состоящий из слов, сочетаемых друг с другом в речи, должен быть признан в основном аналитическим, так как в речи на этом языке большая часть значений будет выражаться словосочетаниями: как бы ни был обширен словарный состав такого языка и как бы легко они образовывались в нем новые слова, все же число не только возможных, но и реально употребляемых в речи сочетаний слов будет больше, чем число самих слов.

Аналитичность языка, в этом смысле, есть вообще один из существенных признаков языка, пажных для его функционирования и развития. Благодаря такой аналитичности при помощи некоторого ограниченного числа единиц — слов, охматываемых определенными правилами грамматического строя, оказываются возможным выразить бесчисленное количество мыслей, свободно создавать совершенно новые мысли и передавать их другим.

Иногда понятие аналитичности расширяется еще больше: под аналитическим образованием понимается тогда вообще такое, которое членится легко и четко (под синтетическим же — более слитное)¹. При таком понимании аналитичность оказывается коллективно изменяющимся и относительным признаком: могут быть более и менее аналитические образования, и образование, являющееся аналитическим по отношению к другому, может быть определено как синтетическое сравнительно с некоторым третьим, являющимся еще более аналитическим построенным (соответственно этому, разумеется, понимается в таком случае и синтетичность). Вместе

¹ Ср., например, V. Taulli, *Morphological analysis and synthesis*, «Acta Linguistica», vol. V, fasc. 2, Copenhagen, 1945—1949.

с тем различие между словосочетанием и одним словом при таком понимании аналитичности (и синтетичности) делается уже не принципиальным: и однословное образование, в частности — отчетливо агглютинативного строения (вроде эстонского *kasu-de-le* «к пользе, к выгоде»), может рассматриваться как в достаточной мере аналитическое сравнительно с другим, более сложно построенным, имеющим ясно выраженный флективный характер (вроде англ. *has* «имеет» или *is* «есть, является»).

Наряду с тем или другим более общим пониманием аналитичности (и синтетичности) существует, однако, и некоторое более частное, более узкое и специальное понимание, которое, если даже оно и не является достаточно определенным, направлено на то, чтобы выделить известные специфические образования как занимающие совершенно особое место.

Под аналитическими образованиями при таком более узком и специальном понимании аналитичности имеются в виду, вообще говоря, такие образования, которые, с одной стороны, имеют строение, явно подобное строению сочетания слов, с другой же стороны, существенно отличаются от словосочетаний и уподобляются целым словам. Возможно, что существование именно таких особых, внутренне противоречивых образований, соединяющих в себе черты словосочетания и слова и занимающих как бы промежуточное место между тем и другим, и вызвало широкое употребление слов «анализ, аналитический» и проч. в специально лингвистическом значении.

Нетрудно заметить, что аналитическое образование в таком смысле близко к тому или даже прямо совпадает с тем, что определяется как фразеологическая единица: ведь последняя как раз характеризуется тем, что она имеет строение словосочетания, но при этом эквивалентна слову и функционирует как одно целое слово. Что же в таком случае заставляет говорить об аналитических образованиях в отличие от фразеологических единиц и существуют ли действительно такие образования?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратить внимание на то, в каком отношении типичные фразеологические единицы уподобляются словам, оказываются эквивалентными им¹.

Типичные, «классические» фразеологические единицы, такие, как *дом отдыха*, *бить баклуши*, *спустя рукава*, подобны сложным словам в том отношении, что в них выделяемы компоненты более или менее равного и полного семантического веса, которые могут быть уподоблены основам, являющимся компонентами сложных слов. Отличаются они от сложных слов тем, что их компоненты соединены как слова, т. е. посредством грамматического их оформления, а не как части слов, т. е. лексическим способом.

Возможны, однако, фразеологические единицы и другого рода, а именно — подобные не сложным, а производным словам, т. е. таким, у которых одна основная, корневая часть соединяется с одной или несколькими семантически подчиненными, служебными частями — аффиксами. Так, например, англ. *be tired* «быть усталым», *be surprised* «быть удивленным, удивиться» представляются фразеологическими единицами этого рода. С одной стороны, это несомненно некоторые готовые комплексы, существенно отличные от свободных соединений с глаголом-связкой *be* в та-

¹ О соотношении между словом и фразеологической единицей см. А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, «Образования типа *stone wall*, *speech sound* в английском языке», «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», II, М., 1952, стр. 101—102.

них случаях, как *be old*, *be small* и пр. С другой стороны, это и не «формы пассива» от *tire* и *surprise* (ср. *He was surprised at the news* в отличие от *by the news*)¹. Ср. *be aware* «знать», где слитность частей еще более специфическая.

Подобными производным словам могут быть как фразеологические единицы, так и свободные словосочетания: существенно лишь то, чтобы полноточным был только один компонент. Различие же между обоими случаями будет состоять в том, что фразеологические единицы окажутся ближе к «идиоматичным» готовым производным словам (ср. *столовая*, *керосинка*, *сказка*, *градусник*), тогда как свободные словосочетания соответствующего типа — к словам «неидиоматичным», свободно образуемым в речи (ср. *зеленоватость*, *пумёнок*, *по-тагалогски* «на языке тагалого»).

При известных условиях сочетания со служебными словами, вообще говоря, более или менее подобные производным словам, могут относиться к основным словам, входящим в их состав, не как особые (производные) слова, а только как особые грамматические формы соответствующих слов. Эти особые случаи словосочетаний и требуют специального их выделения в качестве случаев аналитических образований в узком смысле слова, а именно — как аналитических форм. Ср., например, русск. *будет работать*: это словосочетание, в котором *будет* является служебным, а *работать* — главным компонентом, относится к основному слову, входящему в его состав, т. е. к слову *работать*, не как особое (производное) слово, а только как особая грамматическая форма — форма будущего времени. Можно сказать, что, например, *работать* — *работал* — *работает* — *будет работать* составляет один ряд, отношения между членами которого являются только грамматическими.

Легко заметить, что такое понимание аналитического образования (в узком смысле слова), а именно — как аналитической формы, является достаточно распространенным. Но обычно оно остается довольно приблизительным; обходятся без строго определенного понятия, так как само данное явление ясно не отграничивается от смежных явлений, не рассматривается достаточно углубленно и всесторонне со всеми его существенными отличительными признаками. Что же существенно и характерно для аналитического образования как аналитической формы слова? Прежде всего нужно констатировать следующее.

Аналитическая форма, как наиболее специфическое аналитическое образование, взятая сама по себе, есть словосочетание, а именно — сочетание некоторого основного слова (в определенной его форме) с известным служебным словом (или с комплексом служебных слов, что пока можно особо не рассматривать). При этом аналитическая форма является свободным словосочетанием, а не фразеологической единицей: *будет работать* выделяется совсем не так, как, например, (молодость) *возьмет свое*. Ведь *будет работать* входит в неопределенно большой ряд: *будет делать*, *будет знать*, *будет помнить*, *будет любить* и т. д., и т. д., тогда как *возьмет свое* (в указанном смысле) лексически единично, изолированно и стабильно (оно может изменяться только грамматически: *взяла свое*, *взяло свое* и пр.). Определенные аналитические формы всегда могут быть образованы в случае необходимости, и нет никакой надобности знать заранее данную аналитическую форму, заключающую данное конкретное основное слово, для того чтобы употребить ее в речи. Так, можно сказать *он будет палатализовать*

¹ О сочетаниях причастия 2-го с глаголом-связкой *be* см. А. И. Смирницкий. Перфект и категория временной отнесенности, «Ин. яз. в шк.», 1955, № 1, стр. 6.

все согласные, даже если никогда не приходилось слышать *будет палатализовать*. В случае фразеологической единицы это невозможно. Следовательно, если аналитические формы вообще выделяются из словосочетаний со служебными словами, то они выделяются совершенно о с о б ы м и п р и з н а к а м и, не так, как фразеологические единицы.

Из сказанного выше ясно, что по существу аналитические формы должны выделяться из прочих свободных словосочетаний именно тем, что они подобны (аналогичны) не словам, а лишь отдельным грамматическим формам слов. Этим подобием формам *целых слов* аналитические формы и характеризуются, несмотря на то, что они являются словосочетаниями, и притом — даже свободными как особые *целые единицы*, как *эквиваленты слов* (но слов не во всей системе их форм, а только в известных отдельных формах). Вопрос, следовательно, в том, *каковы условия* того, чтобы известные словосочетания выделялись именно наподобие грамматических форм *тех основных слов*, которые входят в их состав (т. е., например, словосочетание *будет работать* — наподобие форм *работает, работал* слова *работать*).

Необходимо для ответа на этот вопрос обратить внимание на то, что всякая грамматическая форма слова входит в какую-либо грамматическую категорию, или, иначе говоря, представляет собой какую-либо грамматическую категорию. Такие величины, как «первое лицо», или «настоящее время» и т. п., которые в чистом виде, т. е. в отвлечении от других категорий, представляют собой отдельные грамматические категории в тех или других грамматических формах, а следовательно, — и в определенных конкретных словоформах¹, могут быть названы *категориальными формами*.

К сказанному нужно добавить следующее:

1. Всякая грамматическая категория обязательно должна быть представлена по меньшей мере *двумя категориальными формами*: иначе она не может существовать, так как она есть общее в отдельном. Не может быть языка, в котором было бы, например, лишь одно грамматическое лицо и лишь один падеж и пр.

2. Никакая категориальная форма не может охватывать слово в целом, т. е. быть представленной всеми словоформами данного слова, или, иначе говоря, участвовать во всех грамматических формах, *находимых* у данного слова: если *какая-либо* подобная грамматическая характеристика оказывается присущей всему слову, в различных грамматических его формах, то мы уже будем иметь дело не с категориальной *формой* слова, но с определенным его категориальным *разрядом*, который будет представлять собой не грамматическую, а лексикограмматическую категорию.

3. В одной и той же словоформе могут соединяться *различные* грамматические категории (например, лицо и число и пр.), причем известное соединение определенных категориальных форм нередко как раз и конституирует определенную словесную грамматическую форму.

4. Каждая словесная грамматическая форма представляет собой *по крайней мере* хотя бы одну категориальную форму, а следовательно, принадлежит к какой-либо грамматической категории: словесных грамматических форм, стоящих вне грамматических категорий, не бывает.

Теперь можно возвратиться собственно к вопросу об аналитических формах. Если словосочетание, являющееся аналитической формой, ха-

¹ О термине «словоформа» см.: А. И. С м е р н и ц к и й, К вопросу о слове, «Труды Ин-та языковедения [АН СССР]», т. IV, М., 1954, стр. 18; его же, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

характеризуется тем, что выступает в качестве грамматической формы того слова, которое является в нем основным, то это значит, что такое словосочетание принадлежит к одной из грамматических категорий, характеризующих данное слово. Иначе говоря, оно представляет известную категориальную форму, входящую в ту же категорию, в какую входит какая-либо иная категориальная форма, известная у этого слова. Так, например, аналитическая форма *будет работать* представляет (категориальную) форму будущего времени, которая, наряду с формами настоящего и прошедшего времени, входит в категорию времени вообще.

Принадлежа, таким образом, к известной грамматической категории, характеризующей данное слово, аналитическая форма уподобляется по своей функции другим формам того же слова. А так как каждая грамматическая форма слова вообще представляет это слово именно как одно слово, то и соответствующая аналитическая форма, несмотря на то, что она является по своему строению словосочетанием, и притом свободным, выступает как одно слово, как представитель одного целного слова, а не как словосочетание.

Получается противоречие: словосочетание, представляющее одно слово. До некоторой степени это противоречие подобно тому, какое мы находим во фразеологической единице: там также словосочетание функционирует как одно слово, которому оно уподобляется по своей семантической целности в силу своей идиоматичности. Этого нет в случае аналитической формы: ведь словосочетание, являющееся такой формой, в общем характеризуется как свободное. Что же в этом случае заставляет словосочетание функционировать как одно слово, что делает жизненным и относительно устойчивым такое противоречивое положение?

Существеннейшим, повидимому, является здесь наличие простых, синтетических, несоставных форм в той же грамматической категории, в какую входит данная аналитическая форма. Так, *будет работать*, несмотря на то, что это явное словосочетание, выступает как одно слово (в известной грамматической форме) лишь ввиду того, что другие формы той же категории, т. е. формы настоящего (*работает* и пр.) и прошедшего времени (*работал* и пр.), являются простыми, синтетическими формами. То же условие имеется и в случае нем. *wird arbeiten*, англ. *will work*, которые принадлежат к той же категории, что и простые *arbeitet*, *arbeitete* и *works*, *worked* соответственно, благодаря чему у нас есть основания считать эти словосочетания (*wird arbeiten*, *will work*) аналитическими формами, а не просто словосочетаниями.

Но если бы, например, словосочетание *будет работать* входило, по принадлежности к одной и той же общей грамматической категории (времени), не в ряд *работает — работал*, а, например, в такой (воображаемый) ряд, как *есть работать — был работать*, то ни оно, ни другие словосочетания этого ряда не выделялись бы из общего числа словосочетаний со служебными словами, в частности — с глаголом *быть* в различных его формах: в таком случае пришлось бы сказать, что временные различия в глагольном сказуемом выражаются так же, как и в именном: формами служебного глагола, при отсутствии форм времени (т. е. категории времени) у основных глаголов, подобно тому как и у существительных и прилагательных. Ведь (погода) *была хорошая*, *будет хорошая* не являются формами времени слова *хороший*, -ая, -ся.

Итак, условием функционирования свободных словосочетаний в качестве аналитических форм является вхождение этих словосочетаний в какую-либо грамматическую категорию, известную у данных слов и представленную, хотя бы в одной из ее категориальных форм, простыми, син-

тетическими формами этих слов: именно этот параллелизм с простыми, синтетическими формами делает словосочетание представителем и грамматической формой одного слова.

Но нельзя ограничиться лишь констатированием этого условия. Необходимо выяснить также то, что определяет вхождение данного словосочетания в данную грамматическую категорию и что, наоборот, препятствует тому, чтобы известное иное словосочетание относилось к какой-либо грамматической категории слова.

Целесообразно различать два случая:

1. Существуют по меньшей мере две категориальные формы, представленные синтетическими словоформами; тем самым известная категория имеется уже независимо от того, есть ли какая-либо аналитическая форма, представляющая ее, или нет. Так, например, категория времени у глагола в русском, немецком, английском языках имеется независимо от того, являются ли словосочетания *будет работать*, *wird arbeiten*, *will work* аналитическими формами, представляющими категорию времени, или нет: категория времени у глагола конституируется в этих языках уже наличием двух синтетически представленных категориальных форм: настоящего времени (*работает*, *arbeitet*, *works*) и прошедшего времени (*работал*, *arbeitete*, *worked*).

2. Имеется только одна серия синтетических словоформ, которая может представлять известную категориальную форму лишь при условии, что существуют словосочетания, выступающие в качестве аналитической формы, представляющей другую категориальную форму той же грамматической категории. В этом случае, таким образом, самосуществование данной грамматической категории зависит от того, являются ли известные словосочетания со служебными словами аналитическими формами соответствующих основных слов, или нет. Так, например, обстоит дело в случае категории вида в английском глаголе. Среди синтетических форм английского глагола нет таких двух форм, которые различались бы в плоскости вида и притом — только в этой плоскости. Это-то, вероятно, и было причиной того, что английский глагол очень долго рассматривался как чуждый категории вида. Последняя устанавливается в нем лишь при условии, что известные словосочетания форм глагола *be* с формами на *-ing* основных глаголов представляют собой не просто словосочетания, но аналитические формы соответствующих основных глаголов. Если *is working* есть аналитическая форма глагола *work*, то она неизбежно вступает в определенное отношение и взаимодействие с синтетической формой *works*, которая отличается от нее только по одной линии (совпадая по всем другим: те же лицо, число, время, наклонение...). Соотношение по этой линии есть явно видовое (хотя и не совпадающее в точности с тем, что мы находим в русском языке), и *is working* отличается от *works* и противопоставляется ему как другой грамматический вид, и только как таковой. Таким образом, в словоформах *works* и *is working* (поскольку последняя оценивается как аналитическая форма) представлены две разные категориальные формы, которые в их единстве образуют категорию вида в системе английского глагола. Если же *is working* и пр. не аналитические формы соответствующих глаголов, то соотношение с ними форм типа *works* не есть соотношение в пределах системы самого глагола как слова, но является соотношением слова и одного из словосочетаний, в которых оно используется. Это — принципиально другое понимание данного соотношения, так как различие между словом и (свободным) словосочетанием является очень существенным.

Если такое словосочетание, как *is working*, признается аналитической

формой глагола, то тем самым признается, что *is working* составляет специфическую пару с *works*, с которым оно имеет аналогичную семантическую структуру, несмотря на иное техническое строение. Вместе с тем оно по своему существу отделяется от других словосочетаний.

Напротив, если *is working* не выделяется как аналитическая форма глагола *work*, то оно в основном приравнивается по своему характеру вообще к словосочетаниям, отличаясь от того или иного их типа настолько, насколько его компоненты отличаются в отдаленности от компонентов этих других сочетаний. Так, например, при этом условии *is working* будет отличаться от *is a worker* только в той степени, в какой причастие *working* «работающий» отличается от существительного с артиклем *a worker* «рабочий», а от *stands working* сочетание *is working* отличается ровно настолько, насколько *stands* отличается от *is*.

Понятно, что оба рассмотренных случая, типа англ. *works* — *worked* — *will work*, и типа англ. *works* — *is working*, существенно различны с точки зрения возможности перерастания словосочетания в аналитическую форму: в первом случае словосочетанию достаточно, так сказать, только присоединиться к уже существующей, готовой грамматической категории; во втором же — соответствующая грамматическая категория должна быть образована на основе специфического сближения данного словосочетания с определенной синтетической словесной формой, которая еще должна, в процессе этого сближения, получить значение новой категориальной формы (так, *works*, предположительно не имеющее значения вида, должно приобрести видовое значение в связи с сближением с словосочетанием *is working*).

В первом из этих случаев образование аналитической формы (т. е. приобретение словосочетанием характера грамматической формы слова) может произойти гораздо легче, чем во втором. Для первого случая достаточно, в сущности, того, чтобы отличие словосочетания по значению от любой из наличных (синтетических) форм данной категории стало аналогичным отличию (по значению) одной из них от другой; иначе говоря: чтобы семантическое отношение словосочетания к имеющимся (синтетическим) формам стало подобно их отношению друг к другу, что можно условно выразить так:

«аф»: «сф₁»: «сф₂»

(аналитич. форма, синтетич. формы; кавычки же показывают, что речь идет о значении). Например: «*will work*»: «*works*»: «*worked*». Т. е., поскольку у словосочетания *will work* образуется значение будущего времени, которое освобождается от всяких иных значений, отсутствующих у *works* и *worked* (например, от значения «хочет»), постольку *will work* превращается в аналитическую форму глагола *work* и входит в парадигму его спряжения.

Насколько подобное явление осуществляется в каждом определенном случае в известном конкретном языке, вопрос другой: здесь требуется исследование соответствующего материала, в результате чего может быть установлено, имеем ли мы действительно дело с вполне устойчивой аналитической формой или нет, или с переходным состоянием, с подвижным, колеблющимся образованием. Но самый принцип выделения аналитической формы в случае первого типа (англ. *will work*, нем. *wird arbeiten* и пр.) не вызывает затруднений.

Так, мы можем, повидимому, сказать, что в английском языке словосочетание *will work*, вообще говоря, как таковое не закрепилося оконча-

тельно в качестве аналитической формы. Дело, вероятно, можно изобразить так:

		Парадигма глагола	
		
		<i>works</i>	
		
		
		<i>worked</i>	
		
.....			
<i>will</i>		<i>work</i>	
.....			

Иначе говоря, *will work* не укладывается полностью в глагольную парадигму. Но, по видимому, другой его вариант, сокращенное *'ll work*, уже целиком принадлежит этой парадигме, так что полное положение дела можно было бы представить так:

		Парадигма глагола	
		
		<i>works</i>	
		
		
		<i>worked</i>	
		
.....			
<i>will</i>		<i>work</i>	
		} <i>'ll work</i>	
		

Немецкое *wird arbeiten*, несомненно, полностью входит в парадигму на равных правах (в функциональном отношении) с синтетическими формами *arbeiten*, *arbeitete*.

По этому поводу нелишне заметить, что различные специфические значения, которые могут показаться выводящими данное образование из данной категории, но которые естественно осмысливаются как производные или переносные на основе данного категориального значения, не выдвигают данное словосочетание за пределы парадигмы. Они не меняют его характера

или аналитической формы: на основе общих, главных значений отдельных категориальных форм всегда возможны некоторые специфические их употребления и побочные значения, соответствующие их особому характеру. Так, формы настоящего времени, как известно, в самых различных языках могут применяться и для обозначения как прошедших, так и будущих событий, что, вообще говоря, не стирает границ между разными категориальными формами и не уничтожит у них значения настоящего времени, которое и придает специфический оттенок обозначению ими прошлых или будущих явлений¹. Подобным же образом, например, употребление *will weigh* в такой фразе, как *This rock will weigh several tons* «этот камень весит (пожалуй) несколько тонн», не выводит это словосочетание из категории времени и, в частности, из категориальной формы будущего времени, так как то специфическое значение, которое оно здесь имеет, может быть осмыслено как вытекающее из значения будущего времени (примерно так: «Если этот камень будет взвешен, то он потянет несколько тонн»). Можно сказать, что отличие, которое *will weigh* придает приведенному предложению сравнительно с *This rock weighs several tons*, хотя и не совпадает с обычным, самым прямым и простым отличием будущего времени от настоящего, тем не менее обьясняется на основе именно этого отличия.

Значительно сложнее обстоит дело во втором случае, типа *is working* — *works*, так как здесь нельзя сказать, в какую категорию должно войти или к какой категории должно примкнуть данное словосочетание: ведь здесь еще нет соответствующей сложившейся категории.

Очевидно, исходить здесь нужно из следующего. Словоформы, представляющие некоторое слово, вообще говоря, находятся в известных отношениях не только между собой, но и с различными словосочетаниями, в которые входит данное слово. Например, словоформа *работает* находится в определенном отношении не только со словоформой *работал* и пр., но и со словосочетаниями *не работает*, *работает ли*, *хорошо работает*, *может работать*, *начинает работать*, *хочет работать*, *считается работающим* и т. д. и т. п. Эти отношения могут, понятно, различаться как по конкретному содержанию, так и по общему своему характеру или типу. Так, отношение между *работает* и *может работать*, с одной стороны, и между *работает* и *хочет работать*, с другой, не одно и то же по конкретному содержанию (поскольку различные слова *может* и *хочет*), но по общему характеру оно в достаточной мере одинаково в обоих случаях, существенно отличается от отношения между *работает* и *не работает*, которое, в свою очередь, сближается в один общий тип с отношением между *работает* и *работает ли*. Понятно далее, что известные конкретные отношения и типы отношений могут быть ближе к тем, которые имеются между словоформами одного слова, или дальше от них. Так, например, отношение между *работает* и *хорошо работает* (и вообще всем типом: *усердно работает*, *легко работает* и пр.) очень отдаленно по общему характеру его содержания (качественная оценка) от того, что мы вообще находим в области отношений между грамматическими формами русского глагола. Напротив, два приведенные выше типа отношений сравнительно близки к этому: легко можно представить себе, что, например, выражения отрицания (через *не*) и вопроса (через *ли*) входят в систему глагольных форм. Ведь, в частности, отдельное написание *не* при глаголе очень похоже на условность, и А. А. Потебня регулярно писал *не* вместе

¹ Но, само собою разумеется, особое употребление какой-либо формы может привести и к изменению ее общего значения и к тому, например, что одна категориальная форма может перейти в другую форму или даже в другую категорию.

с глаголом; а в отношении *ли* существовала и существует сильная тенденция соединять его с глаголом через дефис (*знает-ли*).

Одни семасиологические рассуждения в этом случае, однако, не помогут. Необходимо обратить внимание и на строение соответствующих образований, причем следует рассмотреть отношение их строения к строению других образований — словосочетаний и словоформ.

Но для того чтобы известное соотношение между двумя образованиями осмыслилось как лежащее в плане грамматики, необходимо, чтобы соответствующее смысловое различие было и выражено как неосновное, как дополнительное, как лишь сопровождающее, а это значит, что оно должно быть выражено не различием самих слов, но только изменением слов или отношением между ними в их соединении, сочетании. В таком случае, как *работаем* и *мы работали*, различие между грамматическим и лексическим преимущественно определяется способом выражения по существу одного и того же содержания. А именно: значение первого лица множественного числа оказывается грамматическим (трактруется грамматически) в *работаем* вследствие того, что оно выражено лишь аффиксом словоформы, тогда как в *мы работали* оно же выступает как лексическое (трактруется лексически), поскольку выражено отдельным словом.

Грамматическим является выражение обобщенного отношения посредством лишь изменения слов и их соединения как такового, отвлеченного от их конкретности; лексическим же является выражение словами как таковыми, т. е. как частями словарного состава.

Для того чтобы известные словосочетания сблизились с отдельными словоформами и благодаря функционально-смысловому уподоблению последним ооризокали одну определенную категорию, необходимо соответствующее выражение и особенно тесной связи между ними. Поскольку словосочетание при этом все же не превращается в цельную синтетическую словоформу (подобно лат. *finire habet* > франц. *finira*), постольку такое выражение оказывается очень тонким и относительным. В общем единственном его средстве оказывается то или иное обособление от аналогичных словосочетаний, относительная изоляция данной конструкции. Однако пути такой изоляции могут быть различны.

1. Наиболее очевидной представляется изоляция в тех случаях, когда словоформа, используемая в сочетании с данным служебным словом, вообще не применяется, или крайне неупотребительна в сочетании с другими служебными словами, или даже совсем неизвестна за пределами данного сочетания. В русском языке, повидимому, таких случаев не наблюдаются. Характерными примерами из других языков могут служить франц. *été*, нем. *gewesen*, англ. *been*, употребительные лишь в сочетаниях со служебными глаголами, соответственно, франц. *avoir*, нем. *sein*, англ. *have*, благодаря чему словосочетания вроде франц. *a été*, нем. *ist gewesen*, англ. *has been* особо изолируются.

2. Грамматическое значение словоформы при ее употреблении в сочетании с данным служебным словом может коронным образом расходиться с ее значением (или значениями) в других случаях. Ср., например, *Он поехал бы туда завтра*: без частицы *бы* словоформа *поехал* имела бы такое значение (а именно — значение прошедшего времени), которое препятствовало бы ее соединению со словом *завтра*¹. Поэтому, в частности, по-

¹ То, что частица *бы* может тесно сочетаться с союзами (*чтобы, если бы* и пр.) и местоимениями и соответствующими наречиями (*кто бы, какой бы, как бы* и т. п.), лишь осложняет дело, но не меняет его существа.

стал бы представляется более тесным сочетанием, чем **поехать бы**: между **поехать** (например, в *Поехать туда завтра!*) и **поехать бы** (в аналогичном предложении) не такая коренная разница, как между **поехал** (без **бы**) и **поехал бы**.

Формы так называемого причастия 2-го («прошедшего», «перфектного») во французском, немецком, английском и ряде других языков в определенных сочетаниях со служебными глаголами франц. *avoir*, нем. *haben*, англ. *have* и пр. не имеют того грамматического значения, которое характерно для них в других случаях. Так, в сочетаниях франц. *a donné*, нем. *hat gegeben*, англ. *has given* причастия не имеют значения страдательного залога (пассива), свойственного им в различных других употреблениях (в *livre donné à l'élève*, *das ihm gegebene Buch*, *the book given to him* и пр.).

Такая семантическая изоляция, как известно, в истории различных языков повела к утрате причастием согласования в соответствующих случаях (например, франц. *a écrit la lettre* без согласования *écrit* с *lettre* семантически восходит по своим отдельным компонентам и общему построению к лат. *habet illam litteram scriptam*, с согласованием причастия *scripta*, -a, -um и т. д. со словоформой *litteram*).

3. Нередко наблюдается такая несочетаемость данных форм основных слов с известными формами служебного слова, которая не объясняется какими-либо общими правилами сочетания слов. Тем самым наличные сочетания выделяются особо, даже если они и образуют длинные ряды. Ср., например, сочетания причастия 1-го с глаголом *be* в английском языке: *be working, is working, was working* и пр. Здесь мы находим длинный ряд образований, построенных по типу: «форма глагола *be*, требуемая общей конструкцией данного высказывания, плюс причастие 1-ое того глагола, который входит в лексический состав этого высказывания». На первый взгляд может показаться, что эта формула не знает ограничений. Однако это не так. Ведь согласно этой формуле мы должны были бы иметь и такое образование, как *being working*, которое практически отсутствует. В самом деле, мы находим подобные параллели: *be, work—be working; is, works—is working; was, worked—was working*.

Продолжая их с сохранением того же отношения, мы ожидали бы *being, working—being working*.

Ср., например, *be worked, is worked, was worked, being worked*. Ср. также *stand, stands, stood working; standing working; we saw the commander standing there on the bridge watching the unloading*¹.

Таким образом, получается, что такие словоформы, как *working, watching* и т. п., как бы заменяют сочетания *being working, being watching* и пр., не употребляемые в действительности, но ожидаемые в соответствующих рядах сложных образований (*be working* и т. д.). Тем самым такие ряды вступают в особо тесный контакт с известными простыми, синтетическими формами соответствующих слов и изолируются по отношению к другим конструкциям.

4. Иногда форма основного слова, входящая в данное словосочетание, может иметь в этом словосочетании в общем то же или почти то же значение, что и в других словосочетаниях. Тем не менее изоляция данного словосочетания происходит вследствие известных синтаксических его особенностей как целого, специфически сближающих его с определенными простыми формами основного слова. При этом может иметь место своего рода раздвоение внешне одного и того же словосочетания вследствие того, что оно изолируется лишь в определенных случаях, в других же входит в бо-

¹ Пример заимствован у М. А. Ганшиной и Н. М. Василевской (см. М. Ganina and N. Vasilevskaya, *English grammar*, 7-th ed., Moscow, 1951, стр. 236).

лее общий ряд. Само такое раздвоение подчеркивает изоляцию одной категории случаев в противоположность другой. Ср., например, разные случаи с пассивными построениями. В таком предложении, как англ. *k in keep is palatalized*, словосочетание *is palatalized* не обособляется по своей структуре от таких словосочетаний, как *is voiceless*, *palatal*, *short* и т. п., и таких, как *becomes palatalized*, *remains palatalized* и др. Напротив, в предложении *k is frequently palatalized* сочетание *is palatalized* имеет тенденцию обособиться от сочетаний с прилагательными и специфически сблизиться с простой словоформой *palatalize*, например в *They frequently palatalized k and g*. Этому способствуют наречие *frequently*, наталкивающее мысль на то, что *is palatalized* обозначает процесс, а не признак предмета. Случаи, подобные только что приведенному, еще раз показывают, что адъективность причастия 2-го не делает его прилагательным, поскольку соединение адъективности с глагольностью не образует нового качества. Грамматический характер причастия 2-го не осложняется лексическими моментами, а залоговое различие выступает как только грамматическое, как различие форм одного и того же слова.